

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355.01
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Поступила в редакцию 24.05.2022
Received 24.05.2022

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

МЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В условиях геополитического противоборства страны Запада (во главе с США) стремятся системно ослабить Россию, Беларусь и Союзное государство в целях доминирования в границах Евразийского континента и установления нового мирового порядка. В интересах реализации стратегии «Петля анаконды» используется широкий потенциал средств силового принуждения. Нарастание военной силы сопровождается экономическим, информационным, идеологическим, интеллектуальным противоборством. Насилие в информационной и культурно-мировоззренческой сферах привело к новой форме противоборства – ментальной войне. В системе национальной безопасности ведущая роль принадлежит человеку, сознание и мировоззренческая сфера которого являются главной мишенью в ментальном насилии. Рассмотрены существующие методологические подходы к пониманию сущностного содержания ментальной войны. Показана авторская трактовка данного вида насилия. На основании законов классической войны уточнены основные закономерности, принципы ведения ментальной войны, а также направления ее реализации. Определено, что познание сущности ментальной войны, ее технологий не менее важно для социальной системы, чем совершенствование военной сферы национальной безопасности. Сделан вывод, что разрешение противоречия между современными способами насилия и системой национальной безопасности находится в плоскости комплексного совершенствования человека, науки, образования, управления, деятельности. Понимание диалектики ментальной войны и национальной безопасности позволит органам государственного и военного управления уточнить практическую составляющую идеологической работы, направленную на консолидацию усилий в укреплении белорусской государственности.

Ключевые слова: Беларусь, Союзное государство, геополитика, национальная безопасность, военный конфликт, человек, сознание, мировоззренческая сфера, ментальная война, наука

Для цитирования: Ксенофонтов, В. А. Ментальная война и национальная безопасность / В. А. Ксенофонтов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 351–364. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Vladislav A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

MENTAL WARFARE AND NATIONAL SECURITY

Abstract. Under the conditions of geopolitical confrontation, the states of the West (led by the United States) seek to systematically weaken Russia, Belarus and the Union State in order to dominate the boundaries of the Eurasian continent and establish a new world order. In order to implement the “Anaconda Loop” strategy, a wide potential of means of coercion is used. The build-up of military force is complemented by economic, informational, ideological and intellectual confrontation. Information, cultural and ideological violence has led to a new form of confrontation – mental warfare. In the system of national security, the leading role belongs to the individual, whose consciousness and worldview are the main targets of mental violence. The existing methodological approaches to understanding the essential content of mental warfare are considered. The author’s interpretation of this type of violence is shown. On the basis of the laws of classical warfare the main laws and principles of mental warfare, as well as the directions of its implementation have been clarified. It is determined that the knowledge of the essence of mental warfare and its technology is no less important for the social system than the improvement of the military sphere of national security. The author concludes that the resolution of the contradiction between modern ways of violence and the system of national security lies in the comprehensive improvement of man, science, education, management, and activity. Understanding the dialectics of mental warfare and national security will allow state and military

authorities to clarify the practical component of ideological work aimed at consolidation of efforts to strengthen the Belarusian statehood.

Keywords: Belarus, Union State, geopolitics, national security, military conflict, man, consciousness, worldview, mental war, science

For citation: Ksenofontov V. A. Mental warfare and national security. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 351–364 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364>

Введение. В условиях нарастающего геополитического противостояния государств Запада (во главе с США) в отношении Евразии *стратегия «Петля анаконды»*, сформулированная еще в ходе Гражданской войны в США, а затем перенесенная на планетарный уровень, с помощью которой США и Великобритания стремились ослабить евразийские державы (в первую очередь Россию) и не допустить интеграции в границах континента, продолжает активно реализовываться и наполняться новым содержанием [1]. Для осуществления данной стратегии используется широкий потенциал средств – от политико-дипломатических до военно-силовых. При этом фактор военной силы остается значимым, но дополняется экономическим, информационным, идеологическим, культурно-мировоззренческим противоборством. Напомним, что военная сила и военное насилие являются важными инструментами геополитического давления и контроля над пространством, они диалектически связаны. Иными словами, военный конфликт – это инструмент геополитики. Член-корреспондент АВН А. А. Бартош отмечает: «Нацеленность США на реализацию своих геополитических целей вопреки существующим нормам и правилам выступает в качестве своеобразного катализатора обострения критичности и развития глобальной нестабильности в процессе геополитической конкуренции» [2, с. 28]. Современное межгосударственное противоборство становится системным (политическое, экономическое, духовное, социальное) и многосферным (суша, море, воздух, космос, инфо- и киберсфера).

Исходя из современного значения информации [3] и научных знаний, которые выступают побудительными мотивами для человека в социальной практике, западные стратеги целенаправленно осуществляют перенос акцентов противоборства в информационную и культурно-мировоззренческую сферу. Этот вид насилия по подчинению противника своей воле (К. Клаузевиц) часто именуется концентрическим, когнитивным, информационным, идеологическим, смысловым, историческим, образовательным, духовным и т. д.

На наш взгляд, указанные виды силового воздействия составляют сложный феномен *ментального насилия (ментальной войны)*, которое в контексте мировой (глобальной) гибридной войны (А. Бартош) обогащается новым содержанием и современными технологиями овладения информационной и духовно-мировоззренческой сферой отдельного индивида, социальных групп, общества в целом. В результате такого воздействия социальная система реформируется под заданные стандарты государства или союза государств, ведущих ментальную агрессию.

В системе национальной безопасности как сложной многофункциональной и многокомпонентной структуре ведущая роль принадлежит человеку. Именно он, обладая научными знаниями и соответствующими убеждениями, осуществляет целеполагание и социальные действия, направленные на сохранение и развитие собственного потенциала, а также возможностей социальной среды и в целом государства. Следовательно, *сознание и мировоззренческая сфера отдельного человека или социальных образований являются главной мишенью в ментальном насилии (войне), а антропосфера выступает важнейшим театром современной войны* [4].

Указанные факторы обуславливают приоритетное значение обеспечения защищенности социальной системы национальной безопасности в контексте постоянного ментального противоборства, а также требуют простых и понятных ответов на сложные вопросы: что представляет собой ментальная война; какими средствами она ведется, каким законам и принципам подчинена; что необходимо предпринять для защиты социальной системы? Ответы на эти вопросы попытаемся дать в настоящей статье.

Основная часть. Глубокое познание взаимосвязи философии насилия (деструктивности) и национальной безопасности – это главное условие сохранения и развития государства. Одной из важнейших задач философской и военной науки является своеобразный «взгляд за горизонт»,

т. е. определение облика и характера будущей войны. Такой прогноз позволяет рационально готовить государственный организм и осуществлять военное строительство в целях безопасного в военном отношении будущего. Учитывая то, что военные конфликты стали формой бытия социума, определение их сущности, характера и основных черт жизненно необходимо.

Современная наука и военно-политическая практика нашего государства под категорией «война» понимают социально-политическое явление, «представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами. Для достижения поставленных целей в современной войне применяются политические, экономические, идеологические, военные и другие насильственные и ненасильственные средства и соответствующие им формы борьбы» [5, ст. 4].

Данное определение учитывает современные закономерности военного насилия, а также диалектику классической и неклассической парадигмы войны. Напомним, что в *классической* парадигме войны признается определяющая роль вооруженной борьбы, а в *неклассической* – существенная роль отводится комплексу невоенных средств противоборства, при этом роль применения военной силы становится вспомогательной.

Под характером военных конфликтов понимается «совокупность наиболее важных черт, показателей и характеристик, раскрывающих его военно-политическое и стратегическое содержание» [6, с. 47]. Кроме того, «определение возможного характера военных конфликтов современной эпохи – коренной вопрос военной стратегии, так как от его решения во многом зависят направления развития военной теории, строительства ВС, подготовки страны к войне» [6, с. 48].

Обратимся к Военной доктрине Союзного государства, где в разделе «Характер современных военных конфликтов» фиксируется, что основными *общими чертами современных военных конфликтов* являются:

- влияние этих конфликтов на все сферы жизнедеятельности человечества;
- определяющее значение информационной сферы в противоборстве на всех стадиях развития военного конфликта и после завершения его активной фазы;
- коалиционный характер этих конфликтов;
- применение новейших высокоэффективных систем вооружения, военной и специальной техники, в том числе основанных на новых физических принципах;
- широкое использование нетрадиционных форм и способов военных действий, средств дальнего огневого и радиоэлектронного поражения;
- стремление противоборствующих сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;
- маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением сил специальных операций;
- поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном и воздушно-космическом пространствах, на суше и на море;
- катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, коммуникаций, объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения;
- высокая вероятность вовлечения в военные конфликты новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;
- участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний, незаконных вооруженных формирований [7, ст. 9].

Обратим особое внимание на то, что в настоящее время среди комплекса основных *военных угроз* Союзному государству государства-участники признают:

- использование информационно-коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий, представляющих угрозу международной безопасности, в том числе направленных

на дискредитацию государств-участников, нарушение их территориальной целостности и государственного суверенитета, вмешательство в их внутренние дела [7, ст. 13].

Анализ военно-политической практики показывает, что *информационная компонента* военного конфликта выделяется как определяющая на всех стадиях его развития, т. е. от момента зарождения противоречий до стадии их разрешения. Таким образом, информационное противоборство в военной сфере имеет явную тенденцию к возрастанию. Информация, которой оперирует противник, выступает как несмертельное «оружие». А идентифицировать противника достаточно сложно, так как он часто является виртуальным и неосязаемым, нанося своими деструктивными действиями значительный урон не только отдельной личности, обществу, но и государству в целом. Следовательно, информационное пространство – это самый сложный театр современной войны.

Как отмечают авторы монографии «Феномен безопасности в современных условиях: проблемы и перспективы», сегодня активно используется манипулирование в военно-политической сфере как значимая составляющая феномена «мягкой силы». Они пишут: «Использование информационно-психологических, информационно-коммуникационных технологий деструктивного толка, политического мифотворчества в качестве «мягкого» информационно-психологического оружия оказывает негативное влияние на личность, общество, государство и представляет угрозу национальной безопасности Республики Беларусь» [8, с. 199].

Военный эксперт А. А. Бартош отмечает: «Все более широкое использование социальных сетей, обмена сообщениями в социальных сетях и мобильных устройствах открывает новые возможности для новой области – *когнитивной войны*, в которой человеческий разум становится полем битвы (выделено мной. – В. К.). Цель заключается в том, чтобы изменить не только то, что люди думают, но и то, как они думают и действуют. Технологии когнитивной войны при успешном ведении формируют и влияют на индивидуальные и групповые убеждения и поведение, способствуя достижению тактических или стратегических целей агрессора» [2, с. 86].

Сегодня в научном дискурсе активно продолжается обсуждение проблемы ментальной войны в интересах безопасности России [9–11]. Учитывая стратегические приоритеты Беларуси во внешней политике (строительство Союзного государства), принимая во внимание наши военно-политические интересы, данная научно-практическая проблема непосредственно касается обеспечения национальной безопасности белорусского государства.

Важно точно определить предмет анализа и разобраться с понятием «ментальная война». Ряд исследователей могут возразить в отношении умножения проблемного поля войны, ведущего к терминологической «неразберихе». Полагаем, что это проблема не столько понятийно-категориального аппарата, сколько содержательного аспекта насилия как военного, так и невоенного.

Например, ученый А. М. Ильницкий отмечает, что при ведении классических войн цель «заключается в разгроме ВС противника и захвате его территории», а в современных инфо- и кибервойнах она несколько другая – «уничтожение критически значимой инфраструктуры противника, дезорганизация его систем государственного и военного управления, наведение хаоса, разбалансировка и в конечном итоге ликвидация государства» [9, с. 25]. При этом цель войны нового типа (ментальной войны) – «уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника». Иными словами, она направлена «на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника» [9, с. 25].

Доктор военных наук И. Н. Караваев под ментальной войной понимает «применение противником системы способов и средств воздействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и др.) противостоящей стороны как в мирное время, так и в условиях военного конфликта. Ее цель – уничтожение или трансформация объекта воздействия: разрушение общественного сознания, общественных институтов, государства, ВС и др.» [10, с. 39].

Оба автора четко формулируют цели ментальной войны, акцентируя внимание на том, что она ведется без объявления, а последствия проявляются не сразу.

Аналитик А. М. Ильницкий в свою очередь обосновывает цели, этапы и технологии ментальной войны [9]. Причем к стратегическим целям он относит: перезагрузку исторического

самосознания, системы образования и воспитания, а значит, базовых смыслов и целей общества, т. е. идеологии, в том числе переписывание (обнуление) истории, разрушение традиций, укладов, веры (религии) и базовых ценностей. По его мнению, они реализуются в поколенческом масштабе (10–15 лет) [9, с. 26].

Профессор И. Н. Караваев предлагает собственную концепцию ментальной войны, цель которой – «уничтожение или трансформация объекта (разрушение общественного сознания, общественных институтов)», а результатом должна стать «деградация общества и государства, всех его сфер и институтов» [10, с. 38]. По его убеждению, данная концепция является «междисциплинарной научной теорией, включающей такие предметные области, как теория национальной безопасности, учение о войне и армии, философия, военная политология, социология, психология, стратегия (как составляющая военной науки) и другие научные отрасли» [10, с. 42].

Авторская позиция заключается в том, что ментальная война – это высшая разновидность (форма) конфликта между социальными субъектами, который ведется в информационной и духовно-мировоззренческой сферах противоборствующими сторонами. Он связан с применением интеллектуально-психологического насилия на противника в интересах разрушения его мировоззренческого ядра и системы духовно-нравственных ценностей, сменой его идентичности. Другими словами, это крайняя форма экзистенциального конфликта, в которой победа достигается путем уничтожения ценностей противоборствующей стороны. Теряя собственную идентичность, поверженная сторона приобретает иную. Таким образом, *ментальная агрессия* – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или ментальной оккупации.

Средства ведения ментальной войны комплексны. По мнению А. М. Ильницкого, ментальная война включает два этапа: 1) информационно-идеологическое воздействие; 2) социальные технологии манипулирования обществом [9, с. 26]. Он отмечает и технологию реализации, содержащую информационную и психоэмоциональную составляющие. Причем в обеих активно задействуются технологии искусственного интеллекта. *Информационная составляющая* – «это перезагрузка (переформатирование) информационного поля, поля знаний, фактов и сведений. Регулированию и направленной деформации подлежит все – от новостей до аналитических и социологических данных, от программ обучения в высших учебных заведениях и школе до телевизионных программ и доступных архивных данных» [9, с. 26]. *Психоэмоциональная составляющая* «представляет не меньшую угрозу, поскольку основана на манипулировании сознанием, настроениями и эмоциями, когда индивидууму, группам людей и обществу в целом опосредованно внедряются нужные настроения, оценки, мнения о чем-либо, о ком-либо, и все это принимается людьми неосознанно, без понимания сути» [9, с. 27].

По мнению И. Н. Караваева, происходит смена постулатов в понятии «война», в частности, среди приоритетов в применении форм насилия. Так, «раньше на первом месте было физическое насилие, потом – эмоциональное и интеллектуальное, а «сегодня предпочтение отдается *интеллектуальному, затем эмоциональному и физическому*» (выделено мной. – В. К.)» [10, с. 37]. Он также отмечает, что «к основным формам ментальной войны относятся многоходовые информационные операции, при проведении которых используются специфические психологические механизмы воздействия на сознание человека (установки, заражение, подражание, убеждение, влияние, подавление, внушение и др.), особые силы и средства, сетевые и другие информационные и психологические техники и технологии, поражающие ментальность общества в целом, все его сферы, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения, социальные институты, в том числе семью, образование, органы власти, все виды деятельности» [10, с. 39].

Несмотря на определенные различия в подходах, оба указанных автора подчеркивают значимость информации (знаний) как основного инструментария (оружия) ведения данного типа войны (ментальной войны). Они убеждены, что именно информация в совокупности с методологией управления человеком, основанной на научном знании, закономерностях функционирования психики человека, психологии социальных образований, и выступает «оружием» ведения данного типа войны.

Еще раз подчеркнем, что ментальная война – это сложная и высокоинтеллектуальная технология воздействия на сознание личности и социума, меняющая их знания (обыденные и теоретические), убеждения и идентичность. Данная технология социального управления является междисциплинарной и использует методологические подходы различных отраслей знания: философии, социологии, психологии, педагогики, истории, культурологии, теории национальной безопасности, военной науки и др.

Полагаем, что такая комплексность позволяет контурно определить *основные направления ведения ментальной войны*, причем в каждом направлении информация (знание) и выступает основным инструментом воздействия (насилия) на человека и социальные общности. Это следующие направления:

цивилизационное, в котором основным предметом оперирования (разрушения и смены) являются духовно-нравственные и религиозные ценности, являющиеся базисом духовной культуры той или иной социальной общности людей;

философско-методологическое, меняющее философские доктрины и предполагающее смену философско-мировоззренческого ядра как руководства к теоретическому и практическому социальному действию, а также установок и ценностных ориентиров личности, формирующих своеобразие того или иного социума;

научное, направленное на искажение научных знаний и замену их псевдонаучными теориями и различными «верованиями»;

геополитическое, политическое и идеологическое, внедряющее иные политические и идеологические традиции, нормы, принципы, базирующиеся на интересах стран – геополитических лидеров и их диктате, направленное на деструкцию социально-политического устройства стороны, избранной в качестве жертвы агрессии;

экономическое, имеющее целью снижение экономического потенциала противной стороны и включение ее в зону своих интересов (своеобразное паразитирование);

технологическое и техническое, направленное на неоспоримое лидерство страны-агрессора в данных направлениях и установление явной зависимости страны-жертвы в технике и технологиях;

образовательное, предполагающее комплексное воздействие на систему образования страны-жертвы в интересах резкого снижения ее интеллектуального потенциала до критической черты (меры), способствующей социальному скатыванию на обочину истории;

историческое, обеспечивающее смену истории и поражающее историческое сознание человека, социума в целях разрушения цивилизационных основ государства-жертвы;

культурное, нацеленное на всю систему культурного потенциала государства-жертвы для разрушения его культуры как духовной основы нации и навязывании ему иного культурного кода.

Каждое из перечисленных направлений является, с одной стороны, инструментом воздействия (оружием) в рамках сложной системы ментальной агрессии, а с другой – своеобразным театром (сферой) ментальной войны. Подчеркнем, что это лишь основной перечень инструментария воздействия, который в рамках каждого направления может и должен детализироваться. Также отметим, что указанные направления «работают» в общей системе ментальной войны. Приоритетность выбора «мер воздействия» на противника зависит от международной и военно-политической обстановки, целей ментальной войны, а также ментального потенциала государства-агрессора.

По каким же законам осуществляется ментальная война? Так, в разработанной Концепции ментальной войны доктор военных наук И. Н. Караваев выделяет ее основные закономерности:

нарастающий характер интенсивности;

всеобъемность и усиливающаяся напористость поражения всех сфер общества (как при «раковой опухоли»);

взаимосвязь и взаимовлияние всех сфер общества, социальных институтов в ментальной войне;

определяющий характер духовной сферы и значительное влияние экономических факторов на трансформацию общества;

отсроченность воздействия, обусловленная инерционностью сознания (сложность противодействия технологиям ментальной войны, поскольку трудно, а порой и невозможно добиться отказа от ложных убеждений и заблуждений, навязанных противником), что вызывает проблемы в «лечении» сознания и трансформаций в духовной сфере общества, ставших следствием применения технологий ментальной войны [10, с. 40].

Постараемся уточнить и наметить основные законы ментальной войны как неклассической, основываясь на разработанной системе законов классической войны [12]. Осмысливая характер (главным образом своеобразие) законов войны, следует учитывать, что классическая война, будучи социально-политическим явлением, подчиняется как законам войны, отражающим и военные, и общественные процессы, так и законам развития общества в целом и, безусловно, всеобщим законам – законам диалектики, от которых зависят не только общественные явления, но и сами законы войны. Одновременно следует помнить, что общественные законы проявляют себя через деятельность людей, которая не всегда однозначна, даже в одинаковых условиях. Поэтому в обществе законы действуют как в виде определенных связей, отношений, так и в виде законов, тенденций и носят исторический характер, т. е. появились на определенном этапе развития общества и меняются, исчезают, возникают новые в ходе его развития. Естественно, все это имеет отношение к законам войны [13, с. 94]. Эти соображения в целом касаются и законов зарождения и ведения ментальной войны.

Под *законами войны* следует понимать «существенные, необходимые, повторяющиеся связи и отношения между различными сторонами и элементами войны как процесса, обуславливающие его зарождение и функционирование, развитие и исход» [12, с. 45]. Они носят объективный характер, поскольку их действие не зависит от воли и желания людей. Объективность законов не свидетельствует о том, что они реализуются вне человеческой деятельности.

Как классическая, так и ментальная война охватывает все сферы жизнедеятельности общества (экономическую, политическую, социальную, духовную и, безусловно, военную). Следовательно, законы ментальной войны диалектически увязывают явления и процессы всех подсистем общества – от материальных до духовных. Предпосылками действия объективных законов являются как материальные, так и духовные факторы.

Обычно исследователи, ведя речь о законах классической войны, выделяют в ней законы ее *возникновения* (генетические) и законы ее *функционирования и развития* (онтологические). Генетические законы определяются антагонистической природой общества, разнообразными социальными противоречиями. Законы функционирования и развития классической войны представляют собой законы первого (высшего) порядка – законы войны и второго (низшего порядка) – законы вооруженной борьбы [13, с. 94]. Говоря о законах войны, известный военный философ С. А. Тюшкевич четко выделяет генетические законы и законы функционирования и развития войны [12, с. 59–67].

Законы ментальной войны (как существенное, необходимое, всеобщее в ней) не действуют вне более общей международной, военно-политической, экономической, идеологической и т. п. обстановки с одной стороны, вне особенного, отдельного, вне конкретных явлений и событий самой ментальной войны.

Кроме того, законы ментальной войны выступают одновременно и «требованиями» социальной жизни, определяя деятельность людей. Данная деятельность обусловлена определенными социально-политическими, экономическими отношениями, соотношением материальных и духовных сил противоборствующих сторон, действиями политического и военного руководства. Поэтому мы не можем отделять законы друг от друга, они не могут и противопоставляться, поскольку возникают и действуют в рамках ментальной войны как конкретно определенной системы в процессе ее зарождения, развертывания и окончания.

Законы возникновения ментальной войны являются выражением антагонистической противоречивости исторического процесса в целом и отдельных социальных сообществ, геополитическими противоречиями, а порой и просто собственной «исключительностью», и амбициями. Эти законы отражают действия в них сил, которые заинтересованы в разрешении противоречий

общественного развития, а также в решении социальных, политических, национальных, идеологических и других проблем средствами ментального насилия.

Механизм действия законов, порождающих ментальную войну, действует неоднозначно в различные исторические эпохи. Ментальная война рождается не случайно, а при определенной расстановке геополитических сил, при известном развитии межгосударственных, военно-политических и внутренних противоречий.

Породив конкретную войну, законы возникновения (генетические) как в классической, так и ментальной войне уступают место законам развития (онтологическим). Они не исчезают бесследно, а присутствуют в последних в «снятом» виде. Законы развития определяют течение ментальной войны как определенной конфликтной социальной системы. Тот факт, что ментальная война не прерывает предшествующую политику государств (коалиций), а продолжает ее иными, насильственными средствами (цивилизационными; философско-методологическими; научными; геополитическими, политическими и идеологическими; экономическими; технологическими и техническими; образовательными; культурными), свидетельствует о том, что она имеет конкретное политическое содержание, законы и противоречия социально-политического характера. Это отражается на условиях действия законов ментальной войны.

Если основной закон классической войны – это закон зависимости характера и степени применения военной силы от политических целей, то применительно к ментальной войне основной закон может быть сформулирован так: зависимость применения комплекса ментального насилия на противника от геополитических целей субъекта агрессии.

В классической войне действует закон определяющей (и решающей) роли политических целей войны. Применительно к ментальной войне его можно уточнить: определяющей роли геополитических целей страны-агрессора. Поэтому следует основательно разбираться в тайном и декларируемом целеполагании субъектов геополитического противоборства. Этот закон охватывает своим воздействием все стороны ментальной войны, поскольку именно геополитические намерения страны-агрессора обуславливают характер ментальной войны и ее сущность. Именно от геополитических (цивилизационных, геоэкономических) целей агрессора зависят цели ментальной войны, степень и интенсивность использования ментального насилия, комплексность задействованных ресурсов и направлений духовно-деструктивного воздействия на противника, характер жизнедеятельности государств и союзнических отношений в коалициях.

В рамках геополитических целей государства-агрессора определяются: ментально-военные цели, в первую очередь стратегические и оперативные цели ментальной войны, технологии ее реализации, очередность и интенсивность проведения ментальных операций, а также критически важные подсистемы государства-жертвы, воздействие на которые приведет его к упадку и подчинению агрессору. Этим, на наш взгляд, определяются и приоритетные направления ментальной войны. При этом агрессор исходит не только из целей своей геополитики, но и принимает в расчет задачи послевоенного устройства региона, мира и подчиняет им ведение ментальной войны.

Важным законом в классической войне является закон определяющей роли соотношения материальных и духовных сил воюющих сторон, относящийся к наиболее общим законам войны. Применительно к нашему предмету анализа ментальной войны он может быть очерчен как закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон. Соотношение любых сил всегда является результатом предшествующей деятельности людей и характеризует тот уровень развития общества, который достигнут к моменту начала ментальной войны или определенному ее этапу, очерчивает рамки противоборства сторон, выбора ими целей и решений.

Необходимо отметить, что в классической войне соотношение материальных и духовных сил, военной мощи воюющих сторон, отражая состояние экономики, науки, уровень морально-политического и духовного потенциалов, характер традиций и т. д., определяет основное направление развертывания процессов боевых действий войны, их интенсивность, формы и результаты. Это наиболее общий закон классической войны. В ментальной войне соотношение интеллектуальных и духовно-нравственных сил сторон будет отражать наиболее общий закон этой войны.

Особенность наиболее общего закона ментальной войны заключается в том, что он является обобщением ряда других законов, выражающих разные стороны соотношения ментальных сил.

Говоря о соотношении сил, стоит отметить закон классической войны, выражающий зависимость хода и исхода войны от соотношения экономических сил противоборствующих сторон. По мере развития военного дела и трансформации войны роль экономического фактора в войне неуклонно возрастает. Экономическое обеспечение ментальной войны также выступает значимым условием ее успешного ведения, поэтому данный закон работает и в ней.

С названным законом тесно связан закон зависимости хода и исхода ментальной войны от соотношения научных потенциалов противоборствующих сторон. Он выражает зависимость хода и исхода ментальной войны от масштабов и степени использования достижений различных отраслей науки и техники противоборствующими сторонами. Именно научные и технологические достижения влияют на ментальный потенциал, на духовный мир участников ментальной войны, способы и формы ее подготовки и ведения. В условиях социальной модернизации и научно-технической революции, превращения науки в важнейший фактор социального прогресса, проникновения науки во все сферы жизнедеятельности общества превосходство в научном потенциале приобретает исключительное значение в судьбе как классической, так и ментальной войны.

В качестве важных законов ментальной войны могут выступать и законы классической войны: зависимость хода и исхода войны от общественного строя, социальной структуры общества противоборствующих государств (коалиций);

зависимость хода и исхода войны от политической системы, государственного строя, организованных политических сил противоборствующих стран (коалиций);

зависимость хода и исхода войны от духовных сил воюющих государств (коалиций).

Вышеприведенные три закона можно рассматривать в качестве одного важного: зависимость хода и исхода ментальной войны от соотношения социальных, политических и духовных сил противоборствующих государств (коалиций). Уровень и состояние социальных возможностей, морально-политических и духовных сил народа и армии определяются характером экономических отношений, общественного и государственного строя, господствующей в обществе идеологией, политическими целями ментальной войны. Чем полнее эти факторы отвечают целям национального стратегического развития и национальным интересам страны, потребностям социальной практики, чем выше моральный дух населения и армии, тем больше возможностей для победы в ментальной войне.

Существенное влияние на ход и результаты ментальной войны оказывают нравственные, морально-политические силы, исторические традиции, общественное мнение, уровень доверия государственным институтам и морально-психологической подготовки населения и армии.

Кроме отмеченных выше законов ментальной войны действуют и другие, выражающие историческую неизбежность торжества нового над старым, как проявление закона диалектики – отрицание отрицания. Важное место отводится закону, согласно которому побеждает сторона, представляющая новый, более прогрессивный социальный и экономический строй и эффективно использующая заключенные в нем возможности. История свидетельствует, что побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше поддержки в народных массах.

При проведении ментальной войны используются различные формы борьбы, имеющие относительную самостоятельность, например, дипломатическая, информационная, идеологическая и др. Закономерности развития этих форм борьбы также влияют на ведение ментальной войны.

Нами рассмотрены наиболее общие законы функционирования и развития ментальной войны. Обратим внимание, что закон определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон решающим образом влияют на главные показатели ментальной войны.

По своей структуре обороноспособность государства (совокупность материальных и духовных сил) представляет собой систему экономического, научного (научно-технического), духовного, социального (социально-политического), демографического, собственно военного потенциалов или факторов.

Поскольку ход и исход классической войны в целом зависят от соотношения сил воюющих сторон – их обороноспособности (военной мощи), а обороноспособность – это система определенных потенциалов, то ход и исход классической войны зависят от каждого конкретного потенциала данной системы. Эти зависимости и выступают наиболее общими законами классической войны.

Так как выше нами определены основные направления ведения ментальной войны, характеризующие ее специфику, выделим *специфические закономерности* этой войны. Ход и исход ментальной войны зависят от следующих обстоятельств:

- цивилизационного потенциала противоборствующих сторон;
- философско-методологического потенциала противоборствующих сторон;
- научного потенциала противоборствующих сторон;
- геополитического, политического и идеологического потенциалов противоборствующих сторон;
- экономического потенциала противоборствующих сторон;
- технологического и технического потенциалов противоборствующих сторон;
- образовательного потенциала противоборствующих сторон;
- исторического потенциала противоборствующих сторон;
- культурного потенциала противоборствующих сторон и др.

Полагаем, что указанные компоненты относятся к ментальному потенциалу противоборствующих сторон, поэтому их состояние и количественно-качественные параметры будут влиять на ее ведение.

При рассмотрении любого из законов ментальной войны необходимо уяснить его роль в ментальной борьбе (насилии), определить сущность, структуру, особенности, показатели потенциала, связь исследуемого закона с остальными законами ментальной войны.

Законы ментальной войны связаны с общими законами общественного развития, выступают их специфическим проявлением. Они представляют собой такое единство противоположностей, которое обуславливает особенности и характер ментальной войны, ее динамику, тенденции и результаты.

Профессор С. А. Тюшкевич подчеркивает, что «окончательного решения» проблемы законов войны быть не может, поскольку они историчны: «Изменения содержания войны и вооруженной борьбы, тем более в сторону усложнения, неизбежно приводят к эволюции их онтологических связей и отношений. В результате одни законы могут проявляться не столь явно, вплоть до полного отмирания, другие – усиливать свое действие» [14, с. 21].

Очевидно, что нельзя догматизировать рассмотренные выше законы ментальной войны, так как сама сущность этой войны еще недостаточно исследована и находится в постоянной динамике. Поэтому система законов ментальной войны является открытой.

Следует обратить внимание на то, что чем основательнее изучены законы ментальной войны, чем совершеннее их теоретическая система, тем более научным является наше знание о такой войне.

Таким образом, законы ментальной войны отражают форму социального конфликта, в ходе которого происходит насильственное взаимовлияние противоборствующих сторон «ментальным оружием» во имя своих геополитических целей и интересов. Специфические силы и средства, цели ментальной войны составляют особенности ее законов. Существенное влияние на законы ментальной войны оказывает современная информационно-коммуникационная революция в человеческом обществе, воздействующая на изменение ее форм, способов и направлений.

Уже не подлежит сомнению, что существенным фактором современного противоборства является информационная составляющая как системообразующий компонент, а также использование гуманитарных технологий (смена ценностно-смысловых ориентиров человека) [15, с. 36; 16], которые фактически рассматриваются как альтернатива военным действиям.

В частности, ученый А. М. Ильницкий отмечает: «Информационная среда предоставляет возможность создания, по сути, нового оружия массового поражения ментального действия, направленного на сознание людей и социальных групп посредством «коррекции» информационного

поля, навязывания мнений, предпочтений и даже прямой дезинформации» [11, с. 25]. Аналитики также указывают на ведение *социальной войны*.

Сегодня четко обозначилась зависимость хода и исхода войны от соотношения информационного, идеологического потенциалов, которые существенно обозначили себя в военном противоборстве. Это требует учета современных тенденций противоборства (выявление и уяснение новых связей и отношений) для обеспечения безопасности личности, общества и государства, в первую очередь в военной сфере.

Представления о военных конфликтах меняются, намечаются их новые параметры и технологии ведения, следовательно, необходимы новые теоретические исследования проблемы современного противоборства в целях обеспечения национальной безопасности.

Отметим, что деятельность человека входит в механизм действия и использования законов ментальной войны, он может создавать благоприятные или неблагоприятные условия для действия законов, их использования. Поэтому человек должен понимать ее сущность, обладать необходимыми компетенциями для ее успешного ведения.

В любой войне постоянно проявляются две основные тенденции: максимальная целенаправленность и планомерность, а также нарушение порядка, организованности и планомерности. Поэтому законы ментальной войны выражают ее сложную и противоречивую природу, показывают, что ее развитие – общий результат взаимодействия многих факторов. Они действуют как усредненные законы-тенденции.

Рассматривая принципы ведения ментальной войны, напомним, что *принципы* в теории – основное, исходное положение какого-либо учения, конкретной науки, а также убежденность исследователя в чем-либо, норма или правило его мышления и социальной активности. В статье А. М. Ильницкого в контексте принципов ведения ментальной войны можно выделить следующие основные правила:

а) ментальные войны ведутся без объявления, постепенно реформируя мир [9, с. 27];

б) ментальная война имеет тотальный характер, ее фронты, сражения и бои разномасштабны, но синхронизированы и системны [9, с. 29].

Продолжая свое исследование о парадигме ментальной войны, автор выделяет ее особенности, которые можно трактовать как принципы ее ведения:

агрессивные действия (нападение) начинаются без объявления, носят эволюционный, перманентный характер, ведутся в «серых зонах» и нередко приводят к проигрышу государства-жертвы из-за его неспособности дать достойный отпор;

потерпевшие поражение национальные государства ликвидируются (причем зачастую без оккупации их территории) или лишаются не столько населения и ресурсов, сколько политической воли и возможности самоуправления;

население страны-жертвы нередко оказывается под управлением структур (внешних и внутренних) без возможности влиять на собственную судьбу;

борьба ведется за умы, знания и волю, за мировоззрение отдельных граждан и общества в целом;

национальные история, культура, традиции, уклад и выбор жизненных приоритетов населения игнорируются и заменяются иными, которые навязываются извне нередко при молчаливом непротивлении людей;

абсолютной победой считается оккупация духовного пространства и общественного сознания, когда побежденный не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но и полностью ассимилирует чуждые и «фальшивые» установки, которые ему внедрил, навязав свою волю, противник-победитель;

блицкриг в данной войне заключается в параличе воли противника через воздействие на его элиту и СМИ, чтобы затем их же руками развалить государственные институты, разложить армию и силовые структуры;

атаки на страну-жертву ведутся не только «снаружи», но и «изнутри», что радикально отличается от традиционного способа военных действий «снаружи внутрь».

Таким образом, ментальная война имеет тотальный характер, комплексно воздействует как на информационное поле, так и на сферу чувств, эмоций и настроений населения страны – жертвы агрессии [11, с. 28].

В частности, профессор И. Н. Караваев на основе исследования опыта и практик ведения информационного противоборства и применения различных форм, способов, методов и приемов ментальной войны формулирует некоторые ее принципы: превентивность; релевантность (соответствие); адаптивность; комплексность; индивидуальный, групповой и массовый подходы; наступательность, нарастающий характер противодействия, зеркальность и др. [10, с. 40].

Авторская позиция в определении принципов заключается в том, что данный тип противоборства ведется: постоянно (не имеет перерывов); явно и тайно; информационно-агрессивно; системно (по всем компонентам ментального потенциала); индивидуально и массово; высоко интеллектуально и технологично; воздействуя на разум и волю; нарушая способность и критичность мышления; разрушая интеллектуальные силы личности и социума; на внешнем контуре и внутри страны; лишая национального исторического сознания; изменяя базовые ценности и традиции; до полной оккупации ментального поля личности, общества и государства.

Рассмотрев сущность, основные закономерности и принципы ведения ментальной войны, необходимо решить проблему защиты социальной системы от данного типа насилия. Поэтому познание сущности такой войны не менее важно, чем совершенствование военной сферы национальной безопасности.

А. М. Ильницкий достаточно четко формулирует меры по сбережению и развитию России, определяя приоритетные составляющие: здравоохранение, фундаментальное образование, территориальная связность и безопасность. Эти компоненты, по его мнению, представляют основы идеологии развития государства в XXI веке [9, с. 30]. Автор делает важный методологический вывод о том, что «в сфере национальной безопасности страны отныне подразумевается принципиальная неразделимость внутренних и внешних вызовов – ментальных прежде всего» [9, с. 31]. Необходим опережающий характер противодействия, основанный на единой системе прогнозирования и предупреждения угроз нашей цивилизации во всех сферах – образовании, культуре, экономике, науке, обороне и безопасности [9, с. 31].

На фоне реализации Западом политики давления и сдерживания развития России и Беларуси необходимо «переходить от оборонительной тактики информационного противоборства к наступательной стратегии обеспечения информационно-психологической, а точнее – ментальной безопасности» [11, с. 30]. Указанный автор предлагает разработать и ввести в действие стратегию ментальной устойчивости (безопасности) всего социума и отдельного индивида на платформе традиционных духовно-нравственных ценностей [11, с. 31], которая бы позволила вести целенаправленную и системную работу органов государственного и военного управления противодействия противнику в ментальной войне.

Профессор И. Н. Караваев отмечает, что практическая функция разработанной им концепции ментальной войны «предполагает обоснование и разработку рациональных рекомендаций по подготовке и ведению психологической обороны (наступления), определение их содержания, организации, видов, форм, методов, а также способов и приемов деятельности по защите общественного сознания, ценностей, традиций, норм, в том числе в рамках информационного противоборства» [10, с. 41].

Учитывая тотальность ментальной войны, необходимо понимание сути происходящего не только специалистами информационного пространства, управленцами всех уровней, но и каждым гражданином страны.

Заключение. Безусловно, в изучении ментальной войны как актуальной формы современного насилия еще много «белых пятен». Западные стратеги не планируют раскрыть нам собственные «тайны» ее ведения. Главная наша задача – своевременно вскрывать различные деструктивные замыслы и действия геополитических противников, направленные на подрыв системы национальной безопасности. Целесообразно системно наращивать потенциал исследований в ее сфере. Только научное и интеллектуально-образовательное развитие социальной системы является необходимым условием успешного противостояния в современном насилии. Разрешение проти-

воречия между современными способами насилия и системой национальной безопасности находится в плоскости комплексного совершенствования человека, науки, образования, управления, деятельности. Формула простая, но задача сложнее и касается всего общества и государства. Иного пути нет.

Возможно, стоит сформировать в рамках существующих исследовательских и научно-аналитических структур специальные подразделения по анализу и прогнозу философии безопасности, а в учреждениях образования, осуществляющих подготовку управленческих кадров, создать соответствующую кафедру. Наша позиция заключается в том, что дальнейшее повышение уровня научно-аналитического сопровождения принимаемых решений в области государственного и военного управления будет способствовать обеспечению национальной безопасности. Подчеркнем, что глубокое понимание сущности, направлений, применяемых средств, законов, принципов ментальной войны, способов противодействия ментальной агрессии позволит органам государственного и военного управления уточнить практическую составляющую идеологической работы, направленную на консолидацию усилий в укреплении белорусской государственности и национальной безопасности.

Полагаем, что основные практические усилия в противодействии ментальной войне должны быть сосредоточены на реализации положений Конституции Республики Беларусь [17], а также дальнейшем исследовании всего комплекса гибридных угроз, в том числе ментальных, совершенствовании методологии обеспечения национальной безопасности в контексте защиты от невоенных опасностей (угроз).

В интересах совершенствования системы национальной безопасности представляется значимым в контексте противостояния ментальной войне выделить самостоятельную сферу гуманитарной безопасности, нацеленной на сохранение человека как высшей ценности и цели развития общества и государства, цивилизационных основ нашего бытия.

Представленное видение проблем ментальной войны является лишь отправной точкой решения сложнейших задач по выявлению невоенных угроз национальной безопасности, выработке системных мер по заблаговременному блокированию существующих и перспективных угроз нашему государству. Постоянно меняющийся характер военного и невоенного насилия в отношении государства, его противоречивость обуславливают сложность научного познания законов социального насилия. Но это важнейшее условие для управления государственным и военным строительством, обеспечения функционирования всех подсистем национальной безопасности как важнейшего условия сохранения и развития Беларуси.

Список использованных источников

1. Маккиндер, Х. Петля анаконды. Стратегия геополитического превосходства / Х. Маккиндер, З. Бжезинский ; пер. с англ.: М. Тимофеева [и др.]. – М. : Родина, 2020. – 223 с.
2. Бартош, А. А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 320 с.
3. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.
4. Ксенофонов, В. А. Антропосфера как важнейший театр современной войны / В. А. Ксенофонов // Выш. шк. – 2021. – № 2. – С. 37–40.
5. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412>. – Дата доступа: 11.05.2022.
6. Мальцев, Л. С. Основы военной доктрины государства : учеб. пособие / Л. С. Мальцев. – Минск : ВА РБ, 2007. – 265 с.
7. О Военной доктрине Союзного государства [Электронный ресурс] : постановление Высш. Гос. Совета Союз. государства, 4 ноября 2021 г., № 5 // Союзное государство : офиц. сайт Постоян. Ком. Союз. государства. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/>. – Дата доступа: 02.02.2022.
8. Феномен безопасности в современных условиях : проблемы и перспективы / В. Ю. Арчаков [и др.] ; под общ. науч. ред. В. П. Вишневской. – Минск : ИПС РБ, 2021. – 253 с.
9. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
10. Караваев, И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии / И. Н. Караваев // Воен. мысль. – 2022. – № 3. – С. 35–42.

11. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.
12. Тюшкевич, С. А. О законах войны : вопросы военной теории и методологии / С. А. Тюшкевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 349 с.
13. Дикселис, В. П. Философия и методология науки, военной теории и практики : учеб.-метод. пособие / В. П. Дикселис. – Минск : ВА РБ, 2014. – 103 с.
14. Зимонин, В. П. Проблемы войны и мира : концептуальный взгляд через прошлое в будущее (100-летию С. А. Тюшкевича посвящается) / В. П. Зимонин // Воен. мысль. – 2018. – № 1. – С. 14–27.
15. Устинкин, С. В. Гуманитарные технологии как инструмент разрушения идентичности граждан в современной информационной войне / С. В. Устинкин, А. В. Рудаков // Вестн. акад. воен. наук. – 2017. – № 4. – С. 33–37.
16. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.
17. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 79 с.

References

1. Mackinder H., Brzezinski Z. *Anaconda loop. A strategy for geopolitical supremacy*. Moscow, Rodina Publ., 2020. 223 p. (in Russian).
2. Bartosh A. A. *Deterrence in military conflicts of the XXI century*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 320 p. (in Russian).
3. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
4. Ksenofontov V. A. Anthroposphere as the most important theater of modern warfare. *Vysheishaya shkola* [Higher School], 2021, no. 2, pp. 37–40 (in Russian).
5. Military Doctrine of the Republic of Belarus: approved by the Law of the Republic of Belarus 20.07.2016, no. 412-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412> (accessed 11.05.2022) (in Russian).
6. Mal'tsev L. S. *Fundamentals of the Military Doctrine of the State*. Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2007. 265 p. (in Russian).
7. *On the Military Doctrine of the Union State: resolution of the Supreme State Council of the Union State, November 4, 2021, no. 5*. Available at: www.postkomsg.com/documentation/document/1899/ (accessed 02.02.2022) (in Russian).
8. Vishnevskaya V. P. (ed.). *Phenomenon of security in modern conditions: problems and prospects*. Minsk, Institute of the Border Service of the Republic of Belarus, 2021. 253 p. (in Russian).
9. Il'nikskii A. M. Mental warfare in Russia. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).
10. Karavaev I. N. The mental warfare conception as an element of the teaching about war and the army. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 3, pp. 35–42 (in Russian).
11. Ilnitsky A. M. The strategy of Russia's mental security. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 4, pp. 24–35 (in Russian).
12. Tyushkevich S. A. *On the laws of war (issues of military theory and methodology)*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 349 p. (in Russian).
13. Dikselis V. P. *Philosophy and methodology of science, military theory and practice*. Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2014. 103 p. (in Russian).
14. Zimonin V. P. Problems of war and peace: a conceptual view through the past to the future (dedicated to the 100th anniversary of S. A. Tyushkevich). *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2018, no. 1, pp. 14–27 (in Russian).
15. Ustinkin S. V., Rudakov A. V. Humanitarian technologies as a tool of destruction of the identity of citizens in the modern information war. *Vestnik akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences], 2017, no. 4, pp. 33–37 (in Russian).
16. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations. Guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).
17. *Constitution of the Republic of Belarus: with the amendments and additions adopted at the referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022*. Minsk, National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. 79 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk 220057, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com